Илья Виницкий

ПРОГУЛКИ С НАБУШКИНЫМ. *«ВЫМЫШЛЕННЫЙ ОЧЕРК» АМЕРИКАНСКОГО СЛАВИСТА В ЛЕНИНГРАДЕ*[1]

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на <…>
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

И. Бродский.
«Рождественский романс»

Сниб-снаб-снурре, пурре-базелюрре! Разные люди бывают на свете: кузнецы, повара, доктора, школьники, аптекари, учителя, кучера, актёры, сторожа. А я вот – Сказочник.

Е. Л. Шварц.
«Снежная королева»

Весной 1972 года в журнале издателя и редактора Карла Проффера “Russian Literature Triquarterly” (*RLT*) вышла подборка посвященных творчеству Владимира Набокова статей “Nabokoviada”, открывавшаяся очень странным эссе под «русским» названием “Slava Snabokovu”. Эссе было подписано именем “Larry Gregg”[2].

[1] Автор, не будучи свидетелем описываемых событий и не являясь специалистом по Набокову, выражает глубокую признательность коллегам Валере Попсану, Ульяну Куикли, Kay V. Monkish, N. Violent, Reni Maniac, Evin U. Girly, Iron Priapean, L. Chic-Wheatmeal и Nina Idol за ценную информацию и критические замечания.

[2] *Russian Literary Triquarterly* 3 (1972). Pp. 330-341 (ссылки на эссе даются с указанием страниц из этой публикации). В набоковский раздел этого номера также вошли также статьи: Ludmila A. Foster, “Nabokov in Russian Emigre Criticism”; Anthony Olcott, “The Author’s Special Intention: A Study of *The Real Life of Sebastian Knight*”; Paul Grams, “Pnin: The Biographer as Meddler”; Kevin Pilon, “A Chronology of Pale Fire”; D. Barton Johnson, “Synesthesia, Polychromatism, and Nabokov”; и Carl R. Proffer, “Ada as Wonderland”. В номер также были включены фотографии В. Набокова в Швейцарии, присланные Профферу из Монтре женой писателя

Два года спустя это эссе было перепечатано в подготовленном Проффером на основе весеннего номера *RLT* сборнике “A Book of Things about Vladimir Nabokov”[3]. В набоковедческой литературе эта статья практически не цитируется и те немногие исследователи, которым она знакома, считают ее претенциозным подражанием Набокову, не имеющим какой-либо научной ценности. Между тем это эссе представляет собой весьма любопытный случай литературной мистификации, не только разыгрывающей в терминах самого Набокова дискуссию вокруг творчества 70-летнего писателя, но и вовлекающей в свою орбиту неожиданных участников по обе стороны Железного занавеса.

В предлагаемой работе мы постараемся подобрать ключ к этой мистификации и рассмотрим последнюю в тесно переплетенных литературном и историческом контекстах конца 1960-х годов.

1

Эссе Лэрри Грегга, следующее в набоковском номере *RLT* сразу после титульной иллюстрации “Nabokoviada”[4], является непосредственным откликом на «смешную полемику» (“the hilarious polemics”) о набоковском переводе «Евгения Онегина» (1964), разгоревшуюся в американской прессе второй половины 1960-х годов. Эссе строится как литературный спор между русским и американским собеседниками, якобы имевший место в Ленинграде в 1971 году.

(см. Переписка Набоковых с Профферами. Публ. Г. Глушанок и С. Швабрина. Пер. с англ. Н. Жутовской // Звезда. 2005. №7. С. 123-171). См.: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=349> (дата обращения – 12 апреля 2021 года).

[3] *A Book of Things about Vladimir Nabokov*. Ed. Carl R. Proffer. Ann Arbor, Mich.: Ardis, Inc., 1974. Pp. 104-21.

[4] В ее основе картина советского художника-нонкомформиста, «структурного символиста» Дмитрия Плавинского «Две раковины» (1968) из коллекции Александра Левицкого.

Приведем его зачин:

> A gaunt white-night sunset was framed in a golden gap between indelicate Neoclassical edifices. The remote tims (sic!) of the gap were eyelashed with strange refractions, and still further, deep in the gap itself, once could distinguish the silhouettes of other, lesser and quite ethereal, edifices in Baroque, Rococo, Slavic Revival, all inundated in Empire. We were in Leningrad, loitering near the still ornate facade of 47 Morskaya (now Herzen) Street. The slender spires of distant Vasilevsky Island and the pale parallelepipeds of ancient monuments took advantage of the gleaming windows to participate in our talk – somewhat in the same way as the Nabokovian iambs did in regard to the reverse tilts of Pushkin's prosody.
>
> "But," said the Russian one of us, "I like it too...." (p. 313)

Несложно заметить, что за исключением адреса, упомянутого в этом фрагменте, почти все остальное – неназванная цитата из самого Набокова, а именно из его игровых «Комментариев» (Commentaries) к книге о Николае Гоголе, в которых преломились беседы писателя с издателем Дж. Локлиным (Laughlin):

> "WELL," — SAID MY PUBLISHER … A delicate sunset was framed in a golden gap between gaunt mountains. The remote *rims* of the gap were eyelashed with firs and still further, deep in the gap itself, one could distinguish the silhouettes of other, lesser and quite ethereal, mountains. We were in Utah, sitting in the lounge of an Alpine hotel. The slender aspens on the near slopes and the pale pyramids of ancient mine dumps took advantage of the plateglass window to participate silently in our talk – somewhat in the same way as …[5]

И далее оказывается, что большая часть этого эссе есть не что иное, как почти полный коллаж или центон из набоковских цитат...

2

...в основном из «Пнина», незадачливому и трогательному герою которого автор уподобляет создателя Комментария к «Онегину». Само странное русское название эссе, написанное латинскими буквами, не только обыгрывает мотив набоковского снобизма, но и представляет собой элегантную отсылку к роману о русском профессоре в американском колледже: "It was there, *slava Bogu* (thank God)! Very well! He would not wear his black suit – vot i vsyo (that's all)"[6]. В финальном предложении "Slava Snabokovu" ("And that's good, say we, that's damn good, we say" [p. 329]) пниновские словечки смешиваются с пародийными «стихами» Гумберта из «Лолиты» ("That's good, you know. That's damned good"[7]).

[5] Vladimir Nabokov. *Nikolai Gogol*. New York: New Directions Books, 1961. P. 151.
[6] Vladimir Nabokov. *Novels, 1955-1962*. New York: Library of America, 1996. P. 309. Как мы постараемся показать далее, авторская семантическая игра с этим «молитвенным» выражением оказывается еще более сложной, многоуровневой. Стоит заметить, что в эссе Грегга русские слова иногда приводятся с ошибками, подтверждающими наблюдение Набокова в рецензии на изобилующую неточными транслитерациями книгу Дж. Райта "*Slava Bohu*, The Story of the Dukhobors, что "[i]t is always rather perilous for a writer to try to toy with a foreign idiom" (*The New Republic*, January 13, 1941. P. 62).
[7] Ibid. P. 282.

Все набоковские цитаты в этом литературоведческом центоне-коллаже даются без кавычек или указаний на источники. Приведу только один пример. В романе *Pnin* «пухленькая и по-матерински заботливая» аспирантка-компаративистка Бетти Блисс пишет работу под названием “Dostoevsky and Gestalt Psychology” (пользуясь случаем отметим, что нам удалось найти англоязычную статью 1936 года под практически тем же названием, но это уже другой сюжет[8]). Набоков приводит начало этого сочинения: “When the conductor reached the car, diligent Pnin was perusing with difficulty Betty’s last effort, which began, *‘When we consider the mental climate wherein we all live, we cannot but notice* —’”[9].

В статье “Slava Snabokovu” Грегг, предлагая своеобразное автометаописание жанра, основанного на монтаже разных цитат, остроумно заканчивает прерванную в романе фразу Бетти:

> While on the other hand, the only virtue of a good fictional essay is incoherence and obscurity. After all, *the evolution of sense is, in a sense, the evolution of nonsense* [также взято из «Пнина» - *И.В.*], and *when we consider the innocence of the mental climate wherein we all live, we cannot but notice* that a bit of plagiarism is permitted to do for invention now and then… (p. 315)

Конечно же, это никакой не плагиат, а сознательная филологическая (набоковская по духу[10]) игра автора, иллюстрирующая (точнее, разыгрывающая) главный тезис его статьи:

---

[8] Paul Chatham Squires, “Some Observations by Dostoevsky and Their Bearing on the Gestalt Psychology” // *Australian Journal of Psychology and Philosophy* (vol. 14, №4, 1936). Работа посвящена “creative synthesis” в творческом процессе Достоевского. Автор утверждает, что нет ничего интереснее и познавательнее “examination of the processes through which great art works especially music and literature... have come into being”. Более того, “[t]he history of the evolution of these works constitutes a most remarkable series of chapters in psychology whose writing, however, has barely been begun” (p. 300). Автор этой работы напечатал в 30-е годы и другие статьи о литературе и психологии, включая исследование “Dostoevsky’s Raskolnikov,” in: *The Criminalistic Protest, Journal of Criminal Law*, vol. XXVIII, 1937.

[9] Vladimir Nabokov. *Novels, 1955-1962*. P. 307. Здесь и далее курсив в цитатах, за исключением особо оговоренных случаев, мой – *И.В.*

[10] Описывая поэтику Набокова в своем комментарии к «Дару», А.А. Долинин отмечает, что «вся четвертая глава романа и половина второй главы построены как искусные коллажи из цитат и перифраз большого количества документальных источников, многие из которых без соответствующих пояснений можно легко принять за произвольный авторский вымысел» (Александр Долинин. *Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар»*. М.: Новое издательство, 2019. С. 9).

> VN's *Onegin* is not so much a *result* as an *act* of glorious pedantry. ... We insist... that the four volumes of VN's *Onegin* are a joyfully pedantic work of research and scholarship, a work which long before it was published had reached the charmed stage when the quest overrides the goal, and a new organism is formed, the parasite, so to speak, of the ripening fruit. It is a work of research fixed at the stage where VN averted his mental gaze from the end of his work, which was so clearly in sight that he could make out the rocket of an asterisk, the flare of a *sic*!...
>
> It is an intensely Nabokovian *Onegin*, which means that it is an agonizingly honest *Onegin*, which means that the non-Russian reader has the opportunity not only to enjoy VN's scintillating erudition, but also Pushkin's sparking literary fireworks. The Russian *Onegin* is there, we insist, it is there in full *beskorystnost'* for those who can overcome their undergraduate aversion to "research" and "scholarship" long enough to delve *beskorystno* into a marvelous pedantry (pp. 320-323; курсив автора).

Замечательно, однако, то, что этот «оригинальный» тезис Лэрри Грегга состоит из инкрустированных в текст цитат из «Пнина»:

> This research had long entered the charmed stage when the quest overrides the goal, and a new organism is formed which was so clearly in sight that one could make out the rocket of an asterisk, the flare of a "sic"![11]

Из набоковского романа попало в этот текст и русское слово «бескорыстный» в латинской транслитерации:

> …all the innumerable triumphs of *bezkoristnïy* (disinterested, devoted) scholarship –this had corrupted Pnin, this had made of him a happy, footnote-drugged maniac who disturbs the book mites in a dull volume, a foot thick, to find in it a reference to an even duller one[12].

В другом месте эссе Грегга это предложение приводится полностью:

[11] Vladimir Nabokov. *Novels, 1955-1962*. P. 400.
[12] Ibid.

> the spine thrill of a felicitous guess; and all the innumerable triumphs of *beskorystnyi* (disinterested, devoted) scholarship – this corrupted our dear VN, this made him a happy footnote-drugged maniac who disturbs the book mites in a dull volume, a foot thick, to find in it a reference to an even duller one (p. 321).

Не менее замечательна и показательна предложенная в эссе Грегга издевательская прозаическая переделка сюжета пушкинского романа в стихах в псевдо-фрейдистском – на радость Набокову – духе[13]:

> Onegin had fallen in love with a young girl, Tatyana, who is to all seeming intents and purposes a charmingly innocent maiden, but who is actually a corrupt schemer (as we learn from a careful perusal of the list of her lascivious reading, and as we know from the many fine psychoanalytical studies of her repulsive dreams).
>
> Frightfully envious of her fresh, innocent, and wholesome younger sister Olga (VN tells us in one note – and we quite agree – that Olga is the model for the finest young heroines of modern Russian literature.)[14] Tatyana sets in motion a crafty intrigue which ends in tragedy for all but herself.
>
> ...And even though Onegin's uncle pleads with him, reminds him of public opinion, even offers to arrange a friendly breakfast in hope of reconciling the two friends, the hopelessly deluded young man insists on defending his honor... His uncle had died heartbroken and been buried near the martyred Lensky… (pp. 315-316).

Постараемся разобраться в прагматике и смысле словесной игры подражающего Набокову-Пнину «бескорыстного педанта» Ларри Грегга (сразу скажем, что мы не ставим задачи идентифицировать все его заимствования из произведений Набокова – конструктивный принцип этого текста ясен с самого начала и до последнего предложения, завершающегося, впрочем, оригинальным высказыванием автора – "*we say*").

[13] Вспомним также идеологическое «переложение» «Гамлета» в "Bend Sinister".

[14] Аллюзия не только на Комментарий, в котором указывалось, что пушкинская Ольга напоминает комсомолок из соцреалистических романов (Т.II. P. 281), но и на героиню по имени Ольга в набоковском "A Russian Beauty" (1934). Профессор Озерного университета Нина Айдол считает, что «Русская красавица» в этом контексте совершенно ни при чем.

3

Как уже говорилось, в зачине статьи Лэрри Грегг переносит действие набоковского диалога с воображаемым издателем из Юты в Ленинград. Эта перемена адреса безусловно значима: как известно, в No. 47 по Большой Морской улице родился и провел детские и юношеские годы Набоков. Но эта игровая телепортация имеет для автора эссе еще один – как мы увидим, биографический - подтекст. Так, в тексте эссе обнаруживается любопытная ссылка на другое произведение Лэрри Грегга в том же роде – воспоминания о его жизни в Ленинграде и встречах с литераторами-диссидентами (и филологами) между 1966 и 1968 годами.

Эти воспоминания вышли в 1972 году в журнале Техасского христианского университета *Descant* с перифразирующим (на этот раз Достоевского) подзаголовком "Winter Recollections of Summer Impressions of Leningrad"[15]. В редакторском комментарии к этой статье сообщается, что

> Mr. Gregg writes of the fictional essay – *vymyshlenny ocherk* – that is "an attempt to synthesize the short story and the literary essay into a new genre, taking its origins from the Petersburg tradition (Pushkin, Gogol, Dost, Bely, Blok, Zamyatin, Nabokov), and is therefore phantasmagoric, parodistic, allusive and eccentric in manner. A fictional essay seldom says what is seems to say."[16]

Далее говорится о том, что *Russian Literary Triquaterly* собирается скоро напечатать еще одно произведение Грегга, написанное в этом жанре.

В "Winter Recollections" рассказывается о ночной жизни ленинградской творческой интеллигенции, увлеченной сочинениями Набокова. Автор воспроизводит темы разговоров своих русских друзей (не называя имён собеседников) и приводит их суждения и шутки. Одна из этих шуток помогает раскрыть странное место в «набоковской» статье Грегга, где

[15] Larry Gregg, Winter Recollections of Summer Impressions of Leningrad. *Descant: The Texas Christian University Literary Journal*. Vol. XVI, #2, Winter 1972. Pp. 2-14.
[16] *Descant*. P. 61. Курсив автора.

упоминается якобы любимый автором Комментария к «Онегину» грузинский поэт по имени... *Khuyza Freyda* (p. 328). Источником этой шутки послужила каламбурная транслитерация кем-то из ленинградских друзей автора названия скандальной пьесы Эдварда Элби – и фильма Майкла Николса – "Who's Afraid of Virginia Woolf?" (в очерке Грегга – "*Khuy za Freyda Virdzhiniya Vulf?*"[17]).

В статье "Slava Snabokovu" Грегг явно пытается играть в словесные игры-уколы, имитируя своего главного героя, на протяжении многих лет издевавшегося над одержимостью венского доктора определенным отростком[18]. "We must remember, – говорил Гумберт в "Лолите", – that a pistol is the Freudian symbol of the Ur-father's central forelimb"[19]. Но почему Khuy Zafreyda назван в эссе любимым грузинским поэтом Набокова? Этого мы не знаем, но можем предположить здесь намек на комплименты писателя в адрес Булата Шалвовича Окуджавы, «Сентиментальный марш» которого ВН перевел и упомянул в «Аде» ("soldier dit[ty] of singular genius"[20]) – ту самую песню, которую Окуджава исполняет в «документальных кадрах» «Заставы Ильича» М. Ху-циева. По воспоминаниям современника, Набоков говорил о барде, что «теперь там, в России, есть поэт, стихи которого мне очень нравятся. Это поэт с грузинской фамилией»[21]. Впрочем, грузинский

[17] *Descant*. P. 12.

[18] Сама фрейдовская шутка в вышедшей *весной 1972* года статье Грегга о великом «мастере лукавых мистификаций» (выражение А. А. Долинина) могла восприниматься читателями того времени как отсылка к продолжавшейся (в форме мистификаций!) ссоре между бывшими друзьями Эдмундом Вильсоном и Набоковым из-за перевода «Евгения Онегина». (Об истории этой ссоры см. Alex Beam. *The Feud: Vladimir Nabokov, Edmund Wilson, and the End of a Beautiful Friendship*. New York: The Pantheon Books, 2016). В опубликованной в конце 1971 года записи из дневника Вильсона упоминалось набоковское "addiction to Schadenfreude repellent" ("Schadenfreude" – злорадство, от немецкого «вредить» (schaden) и «радость» (Freude); Фрейд использовал этот термин по отношению к детскому смеху). Этот каламбур обидел Набокова, откликнувшегося резким письмом, вышедшим в *NYTBR* 7 ноября 1971 г. (там же напечатан был короткий ответ Вильсона). В январе 1972 года к полемике подключились некие Diron Frieders и Mark Hamburg, представившиеся учениками писателя. В кратком ответе Набокова в *NYT* (5 марта 1972 г.), адресованном этим "facetious undergraduates" с "phony names", говорилось: "I might add that I detected in them only one nice point, namely the suggestion that Schadenfreude, as used by Mr. Wilson, really means "hatred of Freud" — but that is poetic justice, not wit". Между тем, как мы постараемся показать дальше, эссе Грегга было закончено, скорее всего, до публикации дневника Вильсона и свой «злорадный смысл» шутка о том, кто всегда выступает за Фрейда, приобрела, так сказать, постфактум.

[19] Vladimir Nabokov. *Novels, 1955-1962*. P. 202. Шутки такого рода, характерные для пушкинской эпохи (знаменитый «благонамеренный в руках»), практиковались и среди набоковедов 1960-х годов. Ср. следующий комментарий Карла Проффера к "Look at the Harlequins!", опубликованный в сборнике со статьей Грегга: "Privat detective (Dick Cockburn, a staunch friend of mine)" – "I wouldn't dare touch this one" (*A Book of Things about Vladimir Nabokov*, p. 300).

[20] Vladimir Nabokov. *Novels, 1969-1974*. New York, N.Y.: Library of America, 1996. P. 330.

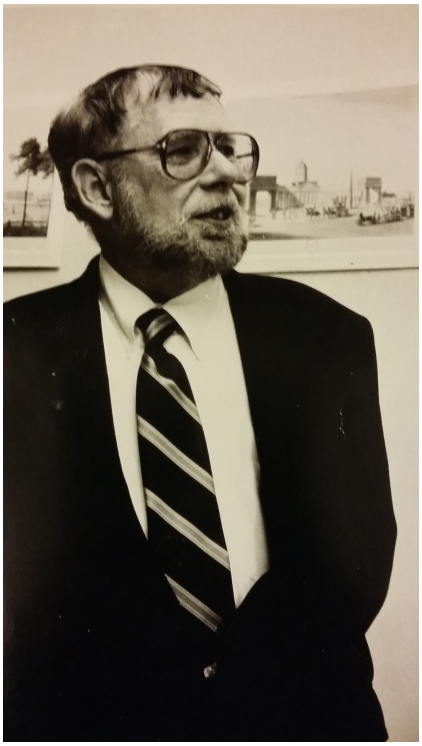
[21] Михаил Козаков. *Третий звонок*. М.: Независимая газета, 2004. С. 604.

мотив в контексте набоковской подборки статей 1972 года мог быть и аллюзией на нелюбимого писателем поэта Роберта Лоуэлла, осмеянного в «Аде» за абсурдный перевод «грузинского» стиха в антисталинской оде Мандельштама (Лоуэлл, к слову сказать, увлекался психоанализом)[22]. Заметим, что отсылки к “poor Lowell” (в связи с его «уродующими» переводами Манельштама и Ахматовой) и “poor Wilson” (в связи с критикой последним набоковского «Онегина») есть и в “Slava Snabokovu”.

4

Совершенно очевидно, что “Winter Recollections…” и “Slava Snabokovu” – звенья цепочки мистификаций и экспериментов одного автора, имя которого установить не составляет большого труда. Это известный американский славист, специалист по русскому романтизму, истории перевода (в частности, автор работы о набоковском переводе «Евгения Онегина»), декабристской прозе и масонской теме в русской литературе пушкинской эпохи профессор Лорен Лейтон, долгие годы заведовавший кафедрой в Иллинойском университете в Чикаго.

[22] ““Georgian tribesmen were popping raspberries”, – отмечал в статье в том номере журнала Проффер, – is a parody of two lines from Robert Lowell’s ludicrous version of Osip Mandelstam’s famous anti-Stalin poem: “After each death, he is like a Georgian tribesman, putting a raspberry in his mouth” (“Stalin,” 1934). Stalin, of course, was a Georgian; and he appears in *Ada* as Col. St. Alin (15/3) and “Uncle Joe: (582/20). Lowell himself appears in *Ada*, joined by Auden, as ‘Lowden’” (p. 404).



Lauren G. Leighton

Источник репродукции: <https://today.uic.edu/deaths-lauren-leighton>

Свой псевдоним он раскрыл в книге о Бестужеве-Марлинском 1975 года[23]. Эссе Грегга "Slava Snabokovu" Лейтон упомянул в заметке, опубликованной на набоковском листсерве в 1995 году[24]. В этой заметке Лейтон сообщает:

> In 1966 I was privileged to meet members of the second generation of Young Leningraders (*Molodye leningradtsy*). In 1969 they and others were rounded up by the KGB, two were sent to prison, others to remote places or to military service. Later, Kostya Azadovsky was sent to the Kolyma and Misha Meilakh to a camp in the Urals. Some

[23] В разделе «Об Авторе», в частности, сообщалось: "His fiction and translations of modern Russian fiction have appeared in *The Chicago Review, Discant, The Malahat Review, Prairie Schooner, Russian Literature Triquarterly*, and *Spirit* under the name Larry Gregg" (p. 6). О том, что Ларри Грегг – это литературная маска профессора Лейтона сообщалось также в *Twayne's World Authors Series* за 1975 год в связи с назначением Лорена редактором *SEEJ* (vol. 344, p. 6).

[24] NABOKV-L, the Nabokov Listserv, July 14, 1995: https://listserv.ucsb.edu/lsv-cgi-bin/wa?A2=nabokv-l;54cd537.950y. См. также библиографическое указание Г. А. Левинтона в статье, вышедшей в первом томе «В.В. Набоков – pro et contra» в 1997 году.

emigrated in the 1970s and 1980s – Dima Bobyshev, Efim Slavinsky, Sasha Nakhimovsky, Slava, Lora, and Irina Paperno. A few remained in Leningrad-Petersburg – Tonya Slavinskaya, Albin Nekonechny[25], Misha Meilakh, Kostya Azadovsky, Yura and Ira Kleiner. Boris Vakhtin and Sergei Dovlatov died. I used to keep all these and other names secret – *I would rather have cut my tongue out than compromise these friends*. Now that Russia has joined the normal world and Russians get to eat a bale of hay with the rest of us, it no longer matters. *A fictional essay (vymyshlennyi ocherk) on that literary underground of long ago can be found in the journal Descant, circa '69-'70.*

Naturally, many of the Young Leningraders were Nabokov fans. *Misha Meilakh* went to the Urals for possessing Nabokov novels; *Slava Paperno* once had the largest collection of Nabokoviana in Russia (see the article he wrote with the late *John Hagopian <…>*, *and also the fictional essay "Slava Snabokovu" by Larry Gregg in A Book of Things about Nabokov, ed. Carl Proffer, Ann Arbor: Ardis, 1974*). *Some of us at a kitchen table once put together a fictional letter to Nabokov*. Later, in the United States, I actually wrote a letter to Nabokov which was a response to his stated conviction (not merely hope) that he would someday be read freely by Russians and be a part of a free Russian literature and an attempt to let him know that some Russians who were fortunate enough to read him agreed that he would be freely read in Russian someday. I don't know how strongly we believed him in those dark, hopeless days, but, of course, his conviction has proved true.

Речь в этом отклике, конечно, идет об обширном круге ленинградской богемы, в частности, тех, кто был вовлечен в дело филолога-англиста Ефима Славинского – одного из ярких представителей поколения «маленьких интеллектуальных растиньяков, под серым петербургским небом», о котором писал Эрнст Неизвестный[26]. Славинского обвинили в том, что в течение 1966–1968 годов он употреблял наркотики, «причем не только с интеллигентами города Ленина, но и, что было уже совсем неосмотрительно, с приезжими иностранцами». Место неформального общения молодых людей было «квалифицировано следствием как притон», а многочисленные гости Славинского объявлены наркоманами[27].

[25] Здесь описка. Правильно: Конечный, – *И.В.*
[26] Цит. по: Петр Дружинин. *Идеология и филология. Дело Константина Азадовского*. Документальное исследование, Том 3. М.: НЛО, 2016. С. 26.
[27] Там же. С. 23.

О том, что 30-летний аспирант Висконсинского университета и стажер программы IREX Лорен Лейтон (полное имя – Lauren Gray Leighton, отсюда, видимо, и псевдоним Larry Gregg) действительно посещал эти вечеринки, свидетельствует недавно опубликованное «Представление», направленное ректору ЛГПИ А. Д. Боборыкину из Следственного управления Ленинграда 12 августа 1969 года. В нем, в частности, говорится, что «Азадовский приводил в притоны Славинского лиц, которые не являлись наркоманами с тем, чтобы приучить их к употреблению наркотиков. Так, в 1968 году он привел к Славинскому гражданина США Л. Лейтона, которому Славинский дал курить гашиш»[28].

Как пишет Ирена Ронен в публикации, посвященной памяти Славинского, едва ли не с этого дела «в Ленинграде началась практика преследования политически неблагонадежной молодежи по уголовной статье, связанной с употреблением и распространением наркотиков»[29]. По этой статье Славинский («человек без определенных занятий, на квартире которого собирались молодые люди для употребления наркотиков»[30]) был осужден на четыре года, несмотря на то, что на суде факт «сбыта» доказан не был. Славинский освободился досрочно, в 1972-м году, и вскоре эмигрировал в Великобританию. Как мы увидим далее, Лэрри Грегг был едва ли ни первым американцем, сообщившим – в эзоповской (чтобы не навредить ленинградским друзьям) форме «вымышленных» воспоминаний – западной аудитории об этом замечательном и обреченном поколении.

Заметим, что само русскоязычное определение жанра, приведенное Греггом в эссе в латинской транслитерации, скорее всего, взято им из арсенала петербургской литературной традиции и восходит к известному определению Санкт Петербурга как «самого фантастического» и «самого отвлеченного и умышленного города». По словам Д.С. Мережковского, Петербург «выращен, вытащен из земли, или даже просто “вымышлен”»[31].

[28] Там же. С. 24.
[29] «Бывало, лежишь дома, пасуешь, читаешь “30 дней” или “Сердца трех”»: из переписки Омри Ронена с Ефимом Славинским. Публ., вступ. заметка и примеч. Ирены Ронен // Звезда. 2019. № 12. С. 105-134. <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3674>. Дата обращения – 12 апреля 2021 года.
[30] Петр Дружинин. Идеология и филология. С. 23.
[31] Д.С. Мережковский. Больная Россия: Избранное. Ленинград: Изд-во ленинградского университета, 1991. С. 117.

Этот эпитет также тесно связан с поэтикой Набокова, в произведениях которого постоянно появляются воображаемые места, герои, книги, стихотворения и рецензии.

5

«Зимние» воспоминания Грегга представляют собой своего рода ленинградскую элегию о кратком «цветении» русской интеллигенции брежневской эпохи и рассматривают творческий круг молодых интеллектуалов как культурный феномен - реинкарнацию пушкинских и модернистских салонов, но в невероятных, трагических и опасных обстоятельствах. «Очерк» начинается с мандельштамовского эпиграфа «В Петербурге мы сойдемся снова» ("We shall gather again in Petersburg") и описывает Ленинград 1966 - 1968 годов[32]. Это город мрачный и бедный, насквозь советский. Грегг приводит целый список развешенных повсюду бессмысленных лозунгов "SLAVA KPSS! SLAVA RABOCHIM! SLAVA LENINU! SLAVA KOMMUNIZMU! SLAVA NARODU!"[33] (из этого арсенала, как мы полагаем, и попало в название «очерка» в честь Набокова русское слово "Slava", политически/полемически наложившись на пниновское выражение). В то же время, как пишет Грегг, сквозь советскую унылую мертвую пропаганду здесь уже пробиваются живые ростки свободы:

> All that autumn and into December it had been sending pleasant echoes down the straight road to Moscow: a new ballet at the Kirov, a rumor that Brodsky had recited his translations of John Donne in public, a hint of a forthcoming edition of Mandelstam, thousands of messages of support for Lidia Chukovskaya's round-robin denunciation of bloodthirsty old Sholokhov. <…> The changes are many. The Baltika has an American-style bar whose bartender is roguishly charming as he drops a maraschino into a perfectly mixed martini. Even this out-of-the-way restaurant has an orchestra that has

[32] В этом художественном очерке Лейтон перенес время своего визита в Ленинград на 1966 год. На самом деле, как любезно указала нам Ирина Паперно, речь идет о его стажировке в 1969-70 учебном году (от IREXa). Скорее всего, этот хронологический перенос связан с той самой причиной, о которой Лейтон говорил в позднейшей заметке на набоковском листсерве ("I would rather have cut my tongue out than compromise these friends") – боязнью как-то навредить своим ленинградским друзьям, подвергшимся в 1969 году репрессиям. Напомним, что имя Лейтона упоминается в деле Славинского.
[33] Larry Gregg, Winter Recollections of Summer Impressions of Leningrad. P. 3.

> rid itself of the Sabre Dance and now plays a jazz which hints slyly that, somehow, a shadow of Black Soul has slipped neatly over the heavily guarded border or drifted up from Moscow. Americans, British, Germans, French and Italians mix on the dance floor with Russian sailors and mod young factory workers...[34]

Но не об этих переменах хочет рассказать автор эссе, не они вновь превращают город Петра в особый, фантастический, мир. Ночью герой «вымышленного очерка» берет такси, которое проезжает по Невскому, через канал Грибоедова, улицу Желябова, Мойку, улицы Герцена и Гоголя, потом через Неву на Васильевский остров, оттуда по Университетской набережной, затем поворачивает на пронумерованные улицы и наконец останавливается возле дома с внутренней лестницей. Герой поднимается по ступеням, стучит в дверь и после краткого ожидания в темноте проходит через "Dostoevskian kitchen" в комнату, наполненную людьми[35]:

> a frail young man hunched up on the bed, a shy girl with red hair by his side, a beautiful television actress whom I recognize, a smartly dressed young scholar with a famous name, a bearded intellectual who looks like a Circassian chieftain, a frail and nervous young boy of perhaps thirty, a husky young poet, my American friend very conspicuously holding hands with my soon-to-be-bride, and a homely woman who rises, kisses, greets in second-person familiar and gives welcome into this intimate world.[36]

Американцы, пишет Грегг, живут среди «хрома и стекла», греки окружены солнцем и морем, немцы «все еще парят между картофелем и небесами», а русские продолжают собираться в мрачных комнатах и «убогих кухнях» ("squalid kitchens"). Русское слово для среды, против которой восстают молодые ленинградцы, – poshlost, то самое, которое Набоков каламбурно перевел на английский как "posh lust". Впрочем, русские, говорится в «очерке», лучше других народов знают, как ее преодолеть: "We see the dirt in the corners and

[34] Larry Gregg, Winter Recollections of Summer Impressions of Leningrad P. 9-10.
[35] Возможно, что Грегг описывает здесь маршрут, ведущий к реальной квартире Славинского в коммуналке на Первой линии. В эссе также упомянут подъезд дома на Литейном ("entrance of the apartment building on Liteyny") – возможно, адрес Бродского, с которым Лейтон был знаком. (Благодарю И. Паперно за это ценное указание). Larry Gregg, Winter Recollections of Summer Impressions of Leningrad. P. 10.
[36] Larry Gregg, Winter Recollections of Summer Impressions of Leningrad. P. 10-11.

hear the roaches in the crannies, and we are more midnful of iambs and metaphors. Russian minds still thrive in these rooms" Золотого и Серебряного веков:

> This is where one may request instant recitation of chapter and stanza from *Eugene Onegin*, and where a magic moment is easily recollected. Eliot is as welcome in this room as Pasternak, and Whitman reached some peaks of the Russian language in this room. ... This is where conversation shifts in cadence from Etkind on translation to an analysis of John Donne's "Navigator" to an impromptu defense of Marshak's Burns to an essay on the language of children to Eisenstein's monographs on Pushkin as a cinematographer to Norman Mailer as an existentialist pamphleteer to Nabokov's commentary on *Onegin* to the Catholicism of Flannery O'Connor to the colloquialisms of Ivan Denisovich to Bulgakov's Pontius Pilate to Lermontov's Demon to Anti-Worlds to a heated-up argument over the intricately rambling form of Dostoevsky's winter recollections of summer impressions to a rumor of a new novel about Dante's circles.[37]

Люди приходят и уходят. Повествователь называет мир, в котором он находится, таинственным, зеркальным, каким он в свое время открылся Пушкину, Достоевскому, Белому (зловещий "Enfranshish") и Набокову ("Nabokov's memory still speaks to him about this city where he was born: Luzhin, Gpoodynov-Cherdyntsev. Kinbote, Pnin, Van and Ada Veen, perhaps even Lolita were born out of the something that is wrong with this city"[38]). Это

> an introspective, intellectually incestuous world. It is a self-enclosed and self-perpetuating world, a world unto itself, peculiarized, almost unreal in its tenacious temporaneity. It is not necessarily a nice world, for intimacy jars nerves and sometimes turns affection to spite. The people of this world, some of them, can take delight in hurting others, and there are casualties. But in its larger outlines this is a world of warmth and affection. Commitment is not a cliche in this world (and here, as you can tell from the deftly inserted cliche, my American friend takes my story

[37] Larry Gregg, Winter Recollections of Summer Impressions of Leningrad. P. 11. Упоминающиеся в конце этого «дайджеста» слухи – отсылка к солженицынскому роману «В круге первом», конфискованном в 1965 году КГБ и опубликованном на Западе в 1968 году.
[38] Ibid. P. 8.

> once again, while I deftly retrieve my darling's hand and settle my head in her lap), nor is involvement a fashion. The price of excellence in this world is sometimes loss of a normal life, and excellence is immune to fashion.[39]

Вино сменяется водкой и шампанским (маленькими порциями), "and the room fills solemnly with pungent smoke". Грегг перечисляет темы разговоров и обрывки фраз на разных языках: "Pushkin's perception is visual, every line in *Poltava* has its own cue...", переводы Чуковского, стихи Киплинга, Мандельштама, проблема билингвизма[40] и наконец комментарий Набокова к «Онегину» ("Vladimir Vladimirovich is the finest Pushkinist ever…")[41]. Наконец в финале этого каталога бесед, напоминающего «списки» тем в пушкинском романе в стихах (разговоры Онегина с Ленским, бурные споры членов декабристских обществ в «Десятой главе») приводится важное для автора определение петербургского жанра, который он пытается пересоздать в английском изводе:

> a fictional essay is a Petersburg genre that hasn't decided whether to be an essay or a short story and requires the most esoteric allusions, most of them literary, some personal, a weird, shifting or dual point of view sometimes a sardonic tone, a formal formlessness with a lot of *enfranshishessness*, a variety of puns and play on words with language foregrounded…[42]

Обратим внимание на любопытный английский неологизм Грегга, образованный от приведенного им ранее в тексте статьи заумного словечка Аполлона Аполлоновича «Енфраншиш» (палиндром от загадочного «Шишнарфнэ») в романе Белого «Петербург»: «Так: кто был Шишнарфнэ? Своею изнанкою – абракадаберным сном, Енфраншишем; сон же этот – несомненно от водки. Опьянение, Енфраншиш, Шишнарфнэ – только стадии

[39] Ibid. P. 12.
[40] Эта проблема находится в центре внимания Г.А. Левинтона: Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния (Язык и подтекст) // Вторичные моделируюзие системы. Тарту, 1979. P. 30-33. См. также Levinton G., Translation and Subtext: Quoting the Original. *From Nature to Psyche: Proceedings from the ISI Summer Congresses at Imatra in 2001-2002*. Ed. by Eero Tarasti et al. (Acta Semiotica Fennica XX). Helsinki, 2004. Pp. 99-107.
[41] Larry Gregg, Winter Recollections of Summer Impressions of Leningrad. P. 12.
[42] Ibid. P. 13. Курсив автора.

алкоголя»[43]. Если позволить себе каламбур в духе автора, в свою очередь, подражавшего Набокову, то можно сказать, что завсегдатаи этих ленинградских ночей представлены Греггом как полностью *enfranshishnized* (то есть одновременно свободные [enfranchised] от властей и одержимые темным, изнаночным, алкогольным духом).

В принципе не очень сложно установить имена по крайней мере некоторых появляющихся в этом эссе представителей ленинградской богемы конца 1960-х годов, собиравшихся в комнате Славинского. Но мы этого делать не будет, не только потому что многие из них живы, но и потому что автор, по всей видимости, создает собирательный, «вихревой», художественный образ близкого ему круга. Гораздо важнее для нас тот факт, что Лейтон с помощью этой цитатной фантасмагории знакомит своих американских читателей с новой петербургской богемой, перформативно перенося действие набоковских произведений в оставленный и прославленный писателем город.

Впервые Лейтон рассказал Набокову о своих ленинградских друзьях еще в письме 1968 года. Ему ответила, по поручению мужа, Вера Набокова в письме от 14 марта 1968 года. Этот весьма холодный ответ хорошо передает отношение Набокова к новым веяниям в советской России:

> The people you write about risk very much in seeking even indirect contact with VN. But VN cannot even be sure that what they stand for is true freedom as we know it in the West and not merely a different brand of communism (as did, f.i., Pasternak in his dreadful ZHIVAGO – so highly praised by naive libertarians in and out of Russia). Those poor young people may well be exposing themselves to dire consequences on mistaken premises. They do not even realize that every book by VN is a blow against tyranny, every form of tyranny.[44]

Здесь же Набокова передает слова мужа о том, что он выступает резко против публикации несанкционированных им переводов его произведений на русский язык (речь, как мы понимаем, шла о переводе *The Real Life of Sebastian Knight*, задуманном

[43] Андрей Белый. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Худ. лит-ра, 1990. С. 212.
[44] Vladimir Nabokov. *Selected Letters, 1940–1977*. Ed. by Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. San Diego, New York, London, 1989. P. 431.

Александром Нахимовским и другом Лейтона Славой Паперно – счастливым обладателем полного по тому времени «контрабандного» собрания книг Набокова, цитатами из которых наполнен очерк “Slavu Snabokovu”)[45]: “...he cannot bless or authorize a translation he will not be able to check and correct”. В конце письма Вера Набокова просит своего корреспондента быть максимально осторожным:

> Please be careful. No matter how careful you think you are, agents read letters, lists of dissenters are compiled, and should the Soviet regime decide to give an example of its omniscience and of its omnipotence over its wretched subjects, your friends may become the victims of such examples.[46]

Как мы знаем, так вскоре и случилось: Славинский был арестован органами безопасности, и многие из его друзей и знакомых оказались привлечены к «притонному» делу. 17 июня 1971 года Лейтон пишет еще одно письмо Набокову, на которое вновь получает ответ от Веры Набоковой, сообщившей, что писатель ознакомился с его произведениями и просит передать отважным ленинградским авторам “his sympathy and appreciation, provided you had an opportunity to do so without any risks for you or for them”[47].

Мы полагаем, что Лейтон летом 1971 года послал Набокову свой «вымышленный очерк», впоследствии опубликованный под названием “Slava Snabokovu”, и рассказал адресату о той среде, в которой это произведение зарождалось. Действительно, машинописная копия эссе “Slava Snabokovu” находится в архиве писателя. В цитировавшемся выше письме к Лейтону от 12 июля 1971 года Вера Евсеевна передает ему от имени мужа благодарность за замечательную информацию и присланные материалы:

> He read with the greatest attention and interest your letter, and *also the essay with the many quotations from a well identifiable unnamed author*. Once again, he is full of admiration for the essay’s daring authors but worry is about their security[48].

[45] Книги Набокова в Ленинград привозили такие же, как Лейтон, американские стажеры конца 1960-х годов.
[46] Vladimir Nabokov. *Selected Letters, 1940–1977*. P. 432.
[47] Ibid. P. 490.
[48] Ibid.

Выделенные курсивом слова, как мы полагаем, могут относиться только к заинтересовавшему нас «очерку»-центону, который, как вроде бы следует из контекста, Лейтон представил как *совместное сочинение* (см. также ссылку на этот текст на набоковском листсерве). Особую признательность, со слов Набоковой, ее муж выразил Лейтону за вложенные в письмо “transparencies”, а именно фотографии дома Набокова (номер 47 по Морской улице) – того самого, который упоминается в самом начале эссе “Slava Snabokovu”.

6

Совершенно очевидно, что «очерки», написанные Лейтоном под маской Лэрри Грегга, связывались в его сознании с воспоминаниями об интеллектуальной жизни «молодых ленинградцев» второй половины 1960-х. В этом контексте особый интерес представляет еще один текст, на который указывает в заметке в набоковском листсерве Лейтон, – коллективное письмо «турецкому султану» (зд. Набокову) ленинградских почитателей писателя, в котором американский гость-славист вроде бы принял участие (“Some of us at a kitchen table once put together a fictional letter to Nabokov”).

О каком письме говорил Лейтон? Не восходит ли к этому загадочному тексту очерк “Slava Snabokovu”? Я задал этот вопрос хорошо знавшему Лорена с тех времен Славе Паперно (автору, вместе с Дж. Агопяном, первой серьезной статьи о восприятии творчества писателя в СССР) и заодно спросил, не ему ли таким затейливым «набоковским» образом (“*Slava* Snabokovu”) тайно посвящен этот «вымышленный очерк». Паперно любезно ответил, что «очерк» Лорена создавался у него «на глазах», но никаких конкретных ходов и приемов Лорен с ним не обсуждал и о коллективном письме ленинградцев к Набокову он ничего не знает[49]. В то же время Паперно согласился с тем, что его «имя в странноватом названии очерка – действительно как бы подарок» ему:

[49] Г. Барабтарло обнаружил в архиве Э. Вильсона звучащее как пародия письмо о Набокове неизвестного русского корреспондента и перевел фрагмент из него на английский (он приводит только три русских слова в оригинале: «обложили этого господина»). Но едва ли этот текст связан с интересующей нас ленинградской историей. (К сожалению, из-за карантина нам пока не удалось познакомиться с этим документом).

> ...будучи тогда в Ленинграде, Лорен проводил в моей квартире больше времени, чем где бы то ни было. Общался он с тогдашними ленинградскими молодыми, полупризнанными, иногда полулегальными литераторами. Этот мир трудно описать в одном предложении, но Вы уже нашли его описание в воспоминаниях о "молодых ленинградцах". Это были мы. Есть и другие тексты в Сети, описывающие кафе "Сайгон" на углу Литейного и Невского, где мы пили черный кофе, считали себя знаменитостями и временами должны были опасаться налетов милиции, которая, среди прочих своих обязанностей, пыталась поймать завсегдатаев на курении и хранении анаши из Средней Азии. Иногда это удавалось, и кого-то арестовывали и судили <…> В этот мир Лорен был посвящен, знакомился с ним через меня, мою сестру и других друзей (для которых частые встречи с американским литературоведом представляли определенный риск), хотя активного участия событиях не принимал.

Конечно, не стоит считать «вымышленные очерки» Грегга какой-то прямолинейной биографической «шифровкой»: в прихотливой фантазии американского слависта синтезировались разные обстоятельства, прототипы и детали – бытовые и литературные. Лирический герой этого петербургского эссе раздваивается (тема Достоевского и Набокова) на русскую и американскую ипостаси (в одном месте очерка бородатый американец, которого повествователь целует в обе щеки в ресторане, – это, по-видимому, сам «Лейтон» – прием очной, «зеркальной», ставки с самим собою в воспоминаниях, кстати, нередко встречается в «модернистской» литературе и кинематографии). Русская ипостась в таком случае представляет собой второе «я» американского путешественника-слависта. Интересна здесь игра и с традиционным для русской поэзии (Блок и Набоков) образом музы «двуединого» автора. В эссе изображена возлюбленная-невеста повествователя, которую держит за руку его «американский друг». Этот любовный треугольник (полагаем, что в подтексте «обнабоченная» тема Чернышевского) превращает эссе из воображаемого травелога в лирическую прозу, также укорененную в русском петербургском мифе.

Gennady Barabtarlo, "Nabokov in the Wilson Archive." *Cycnos*, Vol. 10, n°1, mis en ligne le 13 juin 2008 <http://revel.unice.fr/cycnos/index.html?id=1285> Дата обращения – 12 апреля 2021 года.

В то же время нам представляется вполне правдоподобным и иное, «реально-генеалогическое», истолкование двойнической темы в очерке, начинающемся, как мы помним, с вышитого по канве набоковского спора с Издателем (Локлином) диалога о проблеме переводимости сочинений Набокова между двумя друзьями – “the Russian one of us” и “the American one of us”. В основе этой полемики (как и в основе эпилога к книге «Николай Гоголь») могли лежать какие-то конкретные споры. Иначе говоря, нельзя исключить возможности, что перед нами творческая переработка разговоров Лейтона с ленинградскими набокофилами и прежде всего со Славой Паперно и Александром Нахимовским. Последние, как уже говорилось, не только обратились в этот период к переводу «Себастьяна Найта», но и составили «конкорданс» к «Лолите» (то есть словарь тех слов в русской «Лолите», которые представляют собой авторские замены оригинальной лексики в набоковском романе)[50]. Попутно заметим, что сотрудничество между Лейтоном и Паперно, эмигрировавшим в Америку в конце 1970-х годов, продолжалось до последних лет жизни Лорена, когда Паперно записал на CD-ROM цикл лекций своего старого друга[51].

Наконец (возвращаясь к заглавию эссе), также вероятно, что слово “slava”, каламбурно обыгрывающее, как мы уже писали, частую пниновскую присказку и типичные советские лозунги, соотносится не только с русским другом автора, но и с арестованным и осужденным в 1969 году филологом-англистом Ефимом Славинским, которого друзья называли «Славой». Стоит также заметить, что при (большом каламбурном) желании само имя автора эссе «Lauren» вполне можно перевести на русский язык как «Слава» (от символического лаврового венка). В таком случае название “Slava Snabokovu” приобретает тайный политический и биографический смысл дружеского приношения кумиру, понятный лишь немногим посвященным (своего рода духовному братству ленинградской творческой

[50] В конце 1960-х годов Паперно и Александр Нахимовский написали по-русски статью о лингвистике набоковской фразы, которую переправили в США с Лейтоном (вместе с конкордансом «Лолиты», составленным Паперно). Статья, по свидетельству Паперно, хранилась у Лейтона до эмиграции Нахимовского в Америку. Перевод этой работы, выполненный им совместно с Эллис Стоун (Нахимовской), вышел в *SEEJ* весной 1977 года под именем Нахимовского (упоминать Паперно, находившегося еще в СССР, было опасно). Воспользуемся случаем и восстановим в квадратных, как водится, скобках имя одного из соавторов этой интересной работы: Alexander D. Nakhimovsky [and Slava Paperno], “A Linguistic Study of Nabokov’s Russian Prose” // *The Slavic and East European Journal*, Spring, 1977, Vol. 21, No. 1 (Spring, 1977), pp. 78-87. Translated from Russian by Alice Stone.

[51] *Modern Russian Culture: A Course of Ideas and Images*. A multimedia course on CD-ROM and Video DVD by Lauren G. Leighton. Conceptual design, editing, and programming by Slava Paperno. Lexicon Bridge Publishers, 2004.

интеллигенции, тихо кланяющейся Набоковскому дому на Мойке, уходя в ночную тьму, – Ave Caesar! Morituri te salutant)[52].

Не будет преувеличением сказать, что эссе Грегга символически (иконически) разыгрывает в терминах и цитатах Владимира Набокова основную коллизию запретного русско-американского культурного диалога о тайной свободе. С интертекстуальной точки зрения, оно представляет собой своего рода эксперимент по созданию культурного научно-лирического эсперанто – *the Nabokovian language*[53]:

> We both said that, well then, let's put together some of the Nabokovisms we've been guffawing ecstatically over behind our hand on this magical white night. After all, what could be more obelusian – even after all these years – then a fictional essay (*vymushlennyi ocherk*) on the translation of the greatest Russian work of Russia's great poet by the greatest Russian-American novelist? Written right here, where it all began? (p. 314)

Как и следовало ожидать, «источник» этого пассажа обнаруживается в романе «Пнин»: "It was a simple office story, but her changes of tone from Miss Shrill to Mr. Basso, and the consciousness of the soirée going on so nicely, *made Pnin bend his head and guffaw ecstatically behind his hand*"[54].

7

[52] Заметим, что под своим именем Лейтон в том же 1972 году опубликовал в *Bulletin of the Atomic Scientists* статью об Академгородке в Новосибирске, который он изобразил как утопическое Телемское аббатство советской научной интеллигенции и надежду на будущее преображение СССР. Днем по галереям хрустального дворца Дома ученых ходят счастливые школьники, а по вечерам "there may be a seminar, a play, or a jazz session; or the "latest" foreign movie – "Knights of the Golden Gloves," *"Lolita,"* "In the Heat of the Night," a Bergman festival. Or just a casual evening over steaks and vodka, or the nightly gathering around the bar. And couples holding hands in the halls or kissing in the alcoves, as in any American student union" (April 1972. P. 38). Чем-то похоже на Институт перспективных исследований в Принстоне, но, разумеется, без поцелуев и фильма Кубрика. Лейтон, как мы полагаем, посетил американскую выставку о народном образовании в новосибирском Академгородке (см. об этой выставке в письме Раисы Орловой, жены Льва Копелева (Переписка Набокова с Профферами, https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=349).

[53] В этой связи вспоминается популярная в русской филологической среде 1970-х годов игра в разговор цитатами из классических текстов русской литературы. Автор настоящей статьи, рожденный в 1968 году, однажды попробовал играть в нее со старшим коллегой, но в результате остался хром, как Иаков.

[54] Vladimir Nabokov. *Novels, 1955-1962*. P. 412.

Напечатанная в «свободном мире» в 1972 году, статья-центон Лэрри Грегга обратила на себя внимание лишь двух американских рецензентов.

Один нашёл ее вульгарной и претенциозно написанной и интерпретировал как имплицитную попытку уподобить Набокова смешному профессору Пнину[55] (Грегг действительно использует по отношению к автору комментария к «Онегину» цитату из романа, говоря, что Набоков создает здесь "*Petite Histoire* of Russian literature", наполненную "Russian Curiosities, Customs, Literary Anecdotes and so forth" [p. 321]).

Другой критик счел заслуживающим внимания (в сноске) тезис о том, что перевод «Евгения Онегина» для Набокова был лишь предлогом для написания комментария[56]. Действительно, последний, в истолковании Грегга, представляет собой не научное, но литературное произведение, а перевод романа в стихах, вызвавший столько нареканий у противников писателя, оказывается ироническим переложением для глупых англоязычных читателей пушкинского романа.

Потом об этом эссе забыли совершенно, как и о других мистификациях Грегга-Лейтона (под этим именем последний напечатал также несколько переводов русских писателей и статью о переводческой технике Корнея Чуковского[57]). Единственное известное нам указание на этот «очерк» в России мы находим в упоминавшейся выше работе Левинтона, чья статья должна была быть опубликована в профферовском томе, но вышла – в обрезанном виде – в другом месте.

В письме к нам Ирина Паперно заметила, что набоковед Проффер и не подозревал, что под именем Лэрри Грегга скрывался «хорошо ему знакомый (и им же печатаемый) славист Лорен Лейтон» и что псевдоним последнего ненароком раскрыл ленинградский писатель Давид Дар (замечательно подходящая для этого контекста фамилия!), знавший Лейтона и многих участников этой компании[58]. Проффер, по воспоминаниям Паперно, «вовсе не нашел мистификацию забавной, и сердито что-то об этом сказал Лейтону, который также был расстроен провалом своего псевдонима». Действительно, в первой

[55] Alex de H. F. Jonge. "Figuring out Nabokov". *TLS*, Friday, May 16, 1975. P. 526.
[56] Michael Boyd, *The Reflexive Novel: Fiction as Critique*. Lewisburg: Bucknell UP, 1983. P. 168.
[57] В своем эссе Лэрри Грегг иронически называет переводчика «Онегина» Nabushkin или даже Nabegin (p. 328) – несомненная аллюзия на каламбур Корнея Чуковского (Корнейчукова) «Шельмонт» (то есть бальмонтовское переложение поэзии Шелли), который очень нравился Лейтону.
[58] В начале 1970-х годов Лейтон перевел два произведения Д. Я. Дара (Рывкина).

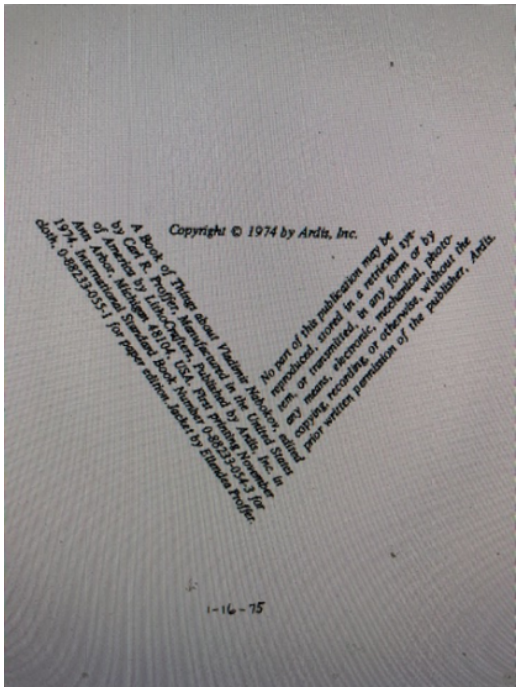
половине 1970-х годов Лейтон скрывал своего романтического «двойника», хотя и намекал, как свойственно мистификаторам, на свою «связь» с этим автором[59]. Так, в эссе, посвященном Чуковскому и Уитмену, Лэрри Грэгг не только ссылался на лейтоновский перевод фрагментов из «Высокого искусства», но и благодарил его автора за то, что тот любезно разрешил ему ознакомиться в рукописи со своей статьей о Корнее Ивановиче, напечатанной в *Russian Review*[60].

Все это, разумеется, предания давно минувших дел, по-разному преломившиеся в воспоминаниях их участников. И все же нам трудно поверить в то, что Проффер, демонстративно открывший набоковский раздел *RLT*, а затем и "Book of Things about Nabokov" грегговским эссе "Slava Snabokovu", находился в абсолютном неведении по отношению к идентичности его автора и не распознал содержавшегося в этом тексте «плагиата». Есть искушение предположить, что, первоклассный знаток Набокова и ценитель его мистификаций, Проффер сам подыграл Лейтону в игре "S Nabokovym" (кстати сказать, в *RLT* был целый раздел пародий на русскую литературу).

Примечательно, что Проффер использовал английское слово «слава» в придуманном им шуточном имени-анаграмме Набокова Mark V. Boldino. В одном из писем к писателю он указал, что буква "V" здесь означает "Viva". В другом письме, юбилейного 1969 года, Проффер обращался к своему корреспонденту «Виват, Марк Болдино!»[61] В начале 1971 года Проффер сообщал Набокову о своем намерении включить ряд статей о писателе в готовящийся номер *RLT*, посвященный романтизму: «Мы подумали, что такое соседство Вам понравится»[62]. Набоков получил этот номер летом 1972 года и отвечал Профферу, что с большим интересом прочитал «эрудированных авторов всех великолепных статей»[63]. Наконец, в 1974 году писатель откликнулся на «очаровательный "Сборник разностей о Набокове" (под редакцией К. Проффера и с прекрасным макетом и суперобложкой Э.

[59] Выражаю признательность коллеге-гоголеведу Ливию Цинику (Inceptor, Mercy County College), любезно поделившемуся со мной этим наблюдением.
[60] Показательно, что в том же номере *RLT*, где впервые вышла набоковский «очерк» Лэрри Грегга, была напечатана статья Лорена Лейтона о Бестужеве-Марлинском.
[61] Переписка Набоковых с Профферами <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=349> Письмо от 5 мая 1969 года.
[62] Там же. Письмо от 17 марта 1971 года.
[63] Там же. Письмо от 21 июля 1972 года.

Проффер)»[64]. Как было замечено публикаторами переписки, выходные данные книги на этой суперобложке образовывали латинское “V” – не только инициал писателя[65], напоминающий также развернутые крылья бабочки, но и, как мы полагаем, сокращенное “Vivat”, немедленно подхваченное первым эссе этой книги – “Slava Snabokovu” Лэрри Грегга.



8

Были ли у Лейтона другие мистификации? Георгий Ахиллович Левинтон в разговоре с нами рассказал, что, по ходившим тогда слухам, перу Лейтона принадлежит несуществующая повесть А. Бестужева-Марлинского «Третий вечер на бивуаке». Действительно, об этом странном тексте Лейтон писал (под своим именем) в том же *RLT* в 1972 году, а затем в примечании к своей книге о Марлинском:

[64] Там же. Письмо от 30 мая 1974.

[65] «Выходные данные книги были написаны в форме английской буквы «V», что давало дополнительный оформительский эффект для адресата книги и читателей» (Галина Глушанок и Станислав Швабрин). Там же.

> I have in my possession my own copy of a typed text in modernized orthography of a third Bivouac tale. The tale is identical in form to the two authentic tales: two initial anecdotes interspersed with sprightly banter and followed by a third anecdote-story. The tale breaks off shortly after the start of Colonel Mechin's story of unrequited love. Although the plot is not completed, it has obvious connections to Pushkin's major prose tales "The Queen of Spades": a Russified German hero named Germann, a card game and desperate gamble against fate, usage of the numbers 1-3-7 known to be important to Pushkin's tale,[66] and a few similar terms, phrases, sayings, witticisms, and other syntactical constructions. Pushkin's use of Bestuzhev's works as a close model is not unprecedented: his prose tale "The Shot" is known to be a parody of Bestuzhev's first Bivouac tale, and "The Queen of Spades" has known relationships to the political revolutionary songs written by Bestuzhev and Kondraty Ryleev as part of their Decembrist activities.[67]

Между тем сам Лейтон сомневался в аутентичности этого текста и признавался, что рукописи «третьего бивуака» ему не удалось обнаружить ни в одном архиве. Более того, по словам Лейтона, существовала целая традиция подделок произведений «малых» литераторов, связанных с авторами первого ряда, и несмотря на стилистическое сходство с другими произведениями Бестужева, в этом тексте были необъяснимые грамматические странности. Лейтон высказал предположение, что «Третий бувуак» был написан одним из подражателей Бестужева и обратился за консультацией к нескольким ученым в СССР и Америке. Тем не менее, вне зависимости от вердикта экспертов он собирался опубликовать текст этой повести как литературный курьез "at an appropriate time and with appropriate commentary" (p. 147)[68].

Все это очень похоже на набоковскую игру, хотя нельзя исключать и возможности, что сам Лейтон стал жертвой чьей-то каверзной мистификации.

9

[66] Следует заметить, что любимой темой Лейтона уже в 1970-е годы был кабалистический (гематрический) «принцип тройки, семерки и туза» в «Пиковой даме» Пушкина.
[67] Lauren G. Leighton. *Alexander Bestuzhev-Marlinsky.* Boston: Twayne, 1975. P. 118.
[68] Нам пока не удалось установить, был ли реализован этот замысел.

"But we digress. We continue" (как говорил Лэрри Грегг в "Slava Snabokovu" [p. 327]). В заключительной части этого эссе автор предлагает свои «дополнения» к комментарию Набокова. Они пародийны (и часто – но не всегда – смешны). Здесь мы встречаем поэта *Княземского* (Knyazemsky) и уже упоминавшегося выше грузинского стихотворца *Khuyza Freyda*[69]. Здесь Грегг ссылается на авторитетного "der Herr Professor Siggy Heil" (очевидная отсылка к Dr. Sig [Siggy] Heiler, "whom everybody venerated as a great guy and near-genius", в «Аде»[70] – язвительный каламбурный гибрид имени Фрейда с нацистским лозунгом[71]). Здесь же приводится и обыгрывающая суждения Набокова и специфические набоковизмы (незадолго до того раскритикованные Вильсоном) онегинская строфа самого Грегга "Basically Brick" (название восходит, по указанию автора, к словам Набокова о том, что онегинская строфа – это строительный кирпич ["basic brick"] романа в стихах):

We recollect an otiose pony,
Onegin on a Yankee steed,
With notes, and pubs, and macoroni,
A work of genius high ennuied:
With lines unrythmed and ripe with scud,
Iambic strophe – a crook of crud:
Spondees and tilts, and calques so Gallic
(Wethinks those charming feet are phallic).
"And awkward but accurate translation,"
(We know! We know! The line won't scan!
But N., reproach us if you can),
With such pedantic adumbration!
We read and think with furrowed brow:
"Who will Nabokov third-rate now?" (p. 319)

[69] По дошедшему до нас преданию, это была шутка Славы Паперно (впрочем, сам он отрицает свое авторство).
[70] Vladimir Nabokov. *Novels, 1969-1974*. P. 27.
[71] Еще один иронический подтекст названия "*Slava* Snabokovu"?

Обратим внимание на собственные слова Набокова (в шутку названного Греггом Набушкиным), взятые из Комментария к «Онегину»: “My translation is awkward but accurate”. Там же о “pony”, “furrowed brow” и “macaroni”. Там же о галлицизмах, «третьесортных» авторах и “adumbration”. Там же о “scud”[72].

Грегг приводит в эссе и «свои» интертекстуальные находки, «упущенные» дотошным Набоковым. Так, он утверждает, что имена «Лила» и «Лилета» у Пушкина восходят не только к одноименной батюшковской пастушке, как указано в Комментарии («“Лилета”, или “Лила”, была любимой пастушкой Батюшкова»), но и к стихам поэта-дебошира Языкова, “which give us a good pretext to pass on a bit Yazykov’s recently discovered *pornografiia*”. Здесь Грегг решает щегольнуть своим переводом:

It passed, that golden time,
When I was hale and quick,
And when my youthful muses sang
The conquests of my haughty prick.
(p. 326; курсив автора)[73]

Мостиком к этому переводу, скорее всего, послужило слово “haughty” из набоковского комментария к пушкинским стихам «Он был свидетель умиленный / Его младенческих забав». Набоков утверждает, что “the phrase is blatantly Gallic: “Il tut témoin attendri de ses ébats enfantins.” И разъясняет не без игривости: “The curious accord of *zabáv* (frolics, amusements, games) and Fr. *ébats* is rather pleasing and on a par with the *nadménnih* (haughty) and Fr. *inhumaines* of One: XXXIV: 9”[74] (vol. 2, p. 270).

[72] Aleksandr Pushkin. *Eugene Onegin, Novel in Verse*. Translated by Vladimir Nabokov. Vol. II. Commentary and Index. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 270, 258, 34, 401, 407. “Scud” - используемый Набоковым стиховедческий термин, вызвавший насмешку Вильсона.

[73] Грегг цитирует восстановленные по автографу Языкова из архива Киселевых в отделе рукописей РГБ (ф. 129) слова из стихотворного послания Н.Д. Киселеву на новый 1824 год: «Она прошла, пора златая, // Когда был здрав и весел я, // И пела муза молодая // Победы [гордого х.я]!» Послание печаталось с купюрами в подготовленном Марком Азадовским собрании сочинений Языкова 1934 года (с. 138). В 1975 году эту купюру восстановил Бенжамин Дис в статье об эротических стихотворениях Языкова (Benjamin Dees, Yazykov’s Unpublished Erotica, *RLT*, vol. 10 (1975). Pp. 408-13). Лейтон мог познамиться с автографом во время одной из своих поездок в СССР или через кого-то из своих знакомых филологов (например, сына Азадовского, который, по материалам следствия, привел его в квартиру Славинского).

[74] «Но полно прославлять надменных...»

В самом деле, сразу за переводом непристойных стихов Языкова у Грегга следует отсылка к Набокову: зачин строфы “It passed” якобы “brings up some literary echo or other, but we fail to recollect it at this magic moment (*speak, memory, goddam it, speak!*)». Более того, “[t]his might also be the place to slip in a bit of Pushkin’s porno, those lines he wrote to commemorate Tatyana’s letters:

> Through her chemise a nipple blackens;
> Delightful sight: one titty shows.
> Tatyana holds a crumpled paper,
> For she's beset with stomach throes.

Эти английские стихи, гордо заявляет Грегг, показывают, что “it is possible to translate poetry with some hope of doing artistic justice to the original” (p. 327)[75]. Только приведенный им мастерский перевод стихов о татьянином пупке принадлежит не ему, а Набокову[76].

Далее комментатор-буффон перечисляет свои анаграмматические открытия, предвосхищающие несколько странные наблюдения Лейтона в его поздней книге о масонском плане пушкинской «Пиковой дамы» (впрочем, стоит обратить внимание на то, что в эту книгу включен большой раздел, посвященный мистификации как приему; вообще же от мистификации до мистики один шаг).

10

Суммируя сказанное, заметим, что статья “Slava Snabokovu” интересна как случай научной игровой мистификации в стиле ее главного героя (мастера подобного рода розыгрышей) – мистификации, затрагивающей важные для исследователя Лейтона проблемы перевода, романтической иронии, интертекстуальности, шифрованной

[75] По мнению Ливия Циника, перед нами не просто перевод, но скрытая каламбурная цитата из стихотворения Джона Драйдена, потерявшего предмет гордости: «But what of all my *conquest* can I boast? / *My haughty pride*, before your eyes, is lost». John Dryden. *The dramatic works*. Vol. 4. London, 1763. P. 149 (курсив Циника).
[76] Aleksandr Pushkin. *Eugene Onegin. Novel in Verse. Commentary*, vol. 2, p. 178.

(политической) поэзии, пушкинской поэтики, словесных игр Набокова и филологического творчества в целом.

Появившаяся в разгар театрализированной полемики между Набоковым и Эдмундом Вильсоном, эта статья выводит на свет пародическую личность Лэрри Грегга – одного из «набоковских» по духу и сути персонажей американской славистики 1970-х годов.

Это не только (пост)модернистский «вымышленный очерк» (fictional essay), но и уникальный, насколько мы знаем, литературоведческий центон, создающий из заимствованных («выписанных») фраз образ Набокова как второго Пнина, выражающего себя в педантичном и элегантном комментарии к пушкинскому роману.

Перед нами не столько ироническая имитация Набокова[77], сколько игровая попытка американского филолога-слависта (санкционированная редактором журнала) «поднабокнуть» любимому автору, чтобы быть приятным ему, и – вместе с «ленинградским» очерком – привлечь его внимание к молодому поколению его тайных поклонников в СССР, так же как и он укорененному в пушкинской традиции.

Наконец, эта вышедшая из разговоров с ленинградскими друзьями своеобразная литературоведческая фантасмагория на тему переводимости русской культуры позволяет заглянуть в спиритуальный (во всех значениях этого слова, включающих и демонического *енфраншиша*) мир ленинградских интеллигентов-неформалов 1960-х годов.

Заимствовав один из каламбуров, приведенных в “Slava Snabokovu” (шутку о помпезной даче, купленной одним «в некотором роде пушкинистом»), скажем, что романтические очерки Лэрри Грегга представляют собой словесный памятник советской творческой интеллигенции в период *ампира во время чумы* (“Empir vo vremia chumy”[78]). Они также служат замечательным шуточным комментарием к американским спорам о Комментарии Набокова к пушкинской «энциклопедии русской жизни». Иными словами,

[77] В содержательной работе Николая Мельникова, посвященной традиции пародирования великого мистификатора, не упоминается эссе Грегга “Slava Snabokovu”. (Николай Мельников. «Высмеять пересмешника»: Владимир Набоков в зеркале пародий и мистификаций // *Иностранная литература*. 2016. № 3. <https://syg.ma/@milda-sokolova/nikolai-mielnikov-vysmieiat-pieriesmieshnika-vladimir-nabokov-v-zierkalie-parodii-i-mistifikatsii>. Дата обращения – 12 апреля 2021 года).

[78] Эту шутку приписывали Борису Эйхенбауму, присутствовавшему, по преданию, в Комарово на строительстве даче пушкиниста Б. С. Мейлаха, удостоенного Сталинской премии за книгу «Ленин и проблемы русской литературы XIX — начала XX века» (1951).

Larry Gregg выступает здесь как своего рода медиатор – Гермес-переводчик – между двумя культурами[79].

Эпилог

Лорен Грэй Лейтон умер в 2016 году. В его некрологе, написанном профессором Дж. Миккелсоном, говорится о том, что покойный был человеком несколько чудаковатым, задумчивым и остроумным, интересовался конспирологией и любил пародии и розыгрыши:

> Lauren Leighton's insatiable curiosity and slightly whimsical side led him into an eclectic assortment of extracurricular inquiries. Questions such as how the assassination of JFK in 1962 and the shooting down of the Korean passenger airline in 1983 happened and how they affected the Cold War were very much on his mind. He loved to compose Onegin stanzas in English and Russian à la Nabokov, and even delved into fiction writing. His one novel, *Naivete on the Neva*, remained in his "long drawer," however.
>
> Lauren had a robust, at times mischievous, but never vicious, wit and his never failing sense of humor made communication a pleasure. He held the patent on his smile and chuckle. He never felt the urge to wear masks or reinvent himself. He was by nature a wise human being who presented his ideas confidently but without pretention or hubris, in a modest and self-effacing manner. He was empathetic and collegial to a fault. In assessing the writings of colleagues, Lauren was demanding and frank, but always fair and generous — like his role model Pushkin. This combination of sterling qualities was his hallmark. Going back to the interwar period when U.S. Slavic studies got their start, we could call his generation "the fourth wave"— it is a wave and generation of American literary scholars we sense is passing. This generation, of which Lauren Leighton is a stellar representative, were "fledglings from the nest of J. Thomas Shaw," the "Dean" of American Pushkin scholars. This generation learnt its "high art" from "Papa Shaw"—the art of literary scholarship at its

[79] На языке послужного списка, Лейтон был "[d]eeply engaged in American-Russian relations, he was an active participant in the cultural developments that took place during The Thaw and he supported the perestroika of previously distrustful and restricted relations, both in print and in person" (Gerald Mikkelson, Lauren Grey Leighton (1935–2016), *The Slavic and East European Journal*. Vol. 60, No. 2 (Summer 2016). P. 38).

> best. Lauren Grey Leighton stood at the pinnacle of integrity, professional and personal. This is why his family, colleagues, and numerous friends at home and in foreign lands so loved and admired him.[80]

Я познакомился с Лореном еще в Москве, как раз в то самое время, о котором он с радостью писал в заметке на набоковском листсерве: “now that Russia has joined the normal world and Russians get to eat a bale of hay with the rest of us”. Он тогда работал над книгой о мистике Чуди и масонской теме в русской литературе, а я над статьей о масонской теме в творчестве легкомысленного Василия Львовича Пушкина и – через последнего – в Арзамасе («литературное масонство»). Лейтон помог мне найти полезную американскую библиографию, а я ему помог скопировать кое-что из масонского архива в Ленинке, потому что директор отдела рукописей, один злобный черносотенец, приклеил к описи бумажку-приказ: «ЛЕЙТОНУ НЕ ДАВАТЬ!»[81].

Потом мы с Лореном встретились в Иллинойском университете в Чикаго, где я прочитал одну из моих первых лекций в Америке и затем, благодаря моему любезному хозяину, познакомился с греческой кухней – до того ни разу не был в греческом ресторане. Помню, что меня там удивил висевший на стене портрет благородного лорда Байрона с хромой ногою, казавшейся больше всех туловищ окружавших его греческих инсургентов из Тапробаны. Если я не ошибаюсь, то это место называлось “Santorini and Khuizafreida”. Или теперь я его так буду называть, если отыщу.

[80] Gerald Mikkelson, Lauren Grey Leighton (1935–2016). Pp. 337-339.

[81] В книге Л.Г. Фризмана «Это было жизнь тому назад... Над страницами полученных писем» (Харьков: Новое слово, 2007) приводится (с сохранением стилистических особенностей, отражающих состояние души автора) письмо Лорена Лейтона о московской стажировке 28 января 1998 года: «... к*акой-то дурацкий националист-рецензент, относительно моей книги об эзотерической традиции, принимает меня не только за масон, но и за еврей! Ну и мудрено!* Каждый знает, что фамилия Лейтон на русском то же самое, что Левинтон, Левин и пр. Если бы я не принимал это за комплимент, я бы зашел к *этому .....!* дал бы ему что нужно по физиономии!» (с. 283; курсив мой, - *И.В.*). Не имея перед глазами автографа, мы затрудняемся сказать, какое именно слово пропущено при публикации, но, исходя из контекста, полагаем, что оно синонимично имени известного грузинского поэта, почитавшегося Набоковым.